Дзюба Е. М. Исторический персонаж как реализация национальной модели образа-персонажа в русской литературе первой трети XIX века (Н. А. Полевой «Краковский замок») / Е. М. Дзюба // Научный диалог. — 2018. — № 8. — С. 108—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-108-121.

Dzyuba, E. M. (2018). Historical Character as Realization of National Model of Image-Character in Russian Literature of the First Third of the 19th Century (N. A. Polevoy's "Krakow Castle"). *Nauchnyy dialog, 8:* 108-121. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-108-121. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Полевой.06
DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-108-121

Исторический персонаж как реализация национальной модели образа-персонажа в русской литературе первой трети XIX века (Н. А. Полевой «Краковский замок»)

© **Дзюба Елена Марковна (2018),** orcid.org/0000-0002-3946-7746, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университета им. К. Минина (Россия, Нижний Новгород), dsjubannov@list.ru.

Рассматриваются особенности освещения вопроса о национальной идентичности в отечественном литературном процессе первой трети XIX века. Актуальность данного исследования определяется затронутой проблематикой. Внимание автора работы сосредоточено на анализе повести Н. А. Полевого «Краковский замок» (1829). В работе уделяется внимание приемам создания национального типа персонажа, его роли в организации и развитии сюжета, реализации идеи повести. Обосновывается выбор рабочего определения термина *образ-персонаж*, используемого при выявлении особенностей поэтики романтического сочинения. Для уточнения оценки исторического образа-персонажа вводится понятие — «национальный художественный образ внешности». Особое внимание уделено анализу образа Суворова, его художественного осмысления Полевым. Выявлено типологическое сходство с образом слуги в русской литературной традиции (речевая характеристика персонажа, тип поведения). Автор статьи считает, что образ Суворова является мерилом «русскости»: в качестве его устойчивых характеристик рассматриваются «простота» персонажа, а также набожность, верность долгу, мудрость. Установлено, что изображение событий в фокусе двойной оптики — повествователя и исторического персонажа — позволяет Полевому создавать оппозицию «свое — чужое»: русские — французы, русские — поляки. Таким образом удается выявить и типологические национальные черты, присущих русскому человеку, но при этом реконструировать обобщенный

портрет поляка, типические штрихи француза. Новизна исследования связана с осмыслением моделирующей функции исторического персонажа.

Ключевые слова: проблема национальной самодентификации; исторический персонаж; оппозиция «свой — чужой»; образ Суворова.

1. Образ-персонаж в историко-литературном контексте и теоретико-литературном осмыслении

В отечественном литературном процессе первой трети XIX века один из ключевых вопросов связан с изображением национального характера, при этом понятия «народность» и «национальность» на данном историко-литературном отрезке осмысливаются как идентичные. Формирование романтической эстетики, внешние и внутренние обстоятельства российской истории (Отечественная война 1812 года, европейский поход русской армии, настойчивые ожидания конституции для Царства Польского, попытка переворота, казнь и высылка декабристов, польское восстание 1830—1831 годов, затяжная война на Кавказе) придают поэтике прозы этого периода специфические черты. На первый план, как часто бывает в переломные периоды истории, выходят вопросы самоидентификации: «Кто я?», «Кто мы?», «Какие мы?», в том числе и по сравнению с географическими соседями. Неслучайно в русской литературе появляется множество сочинений, в центре внимания которых оказываются национальный герой, конфликт «своего» и «чужого», осмысление ценностных ориентаций общества: произведения А. А. Бестужева-Марлинского «Изменник» (1825), «Аммалат-бек» (1832), «Мулла-Нур» (1836); Н. А. Полевого «Краковский замок» (1829); М. Ю. Лермонтова «Литвинка» (1932), «Княгиня Лиговская» (1836—1837, опубл. 1882); циклы Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1828—1832) и М. Н. Загоскина «Вечер на Хопре» (1834); этнографические очерки В. И. Даля, например, «Подолянка» (1837) и многие другие произведения.

По справедливому замечанию М. В. Лескинен, «самоидентификация всегда осуществляется через отношение к другому, через его “опознание”. Один из первых шагов к уточнению этого отношения — описание себя и “иного”» [Лескинен, 2014]. Именно этот процесс имел в виду Н. М. Карамзин, призывая в «Речи, произнесённой на Торжественном собрании Российской Императорской Академии» (1818) почувствовать и осмыслить оригинальность национальной литературы: «…Есть звуки сердца русского, есть игра ума русского в произведениях русской словесности, которая еще больше отличится ими в своих дальнейших успехах» [Карамзин, 1964, с. 239].

В последнее десятилетие в поле исследовательского интереса вновь оказались особенности поэтики русской прозы первой трети XIX века:

специфика создания образа-персонажа и сюжет, формирующиеся под влиянием европейской традиции (например, черты байронического героя в русской литературе [Ильченко, 2014]), художественное осмысление и восприятие «своего» и «чужого» в отечественном литературном процессе (литературный персонаж польского или, например, немецкого происхождения [Сабадаш, 2015; Ильченко и др., 2016]), типологические характеристики русского романтического персонажа [Таврина, 2016].

Как было выявлено в исследовании Н. П. Жилиной, аксиологическое пространство русской прозы первой трети XIX века, сформированное христианской духовной традицией и просветительскими идеями, привело к созданию специфического художественного образа-персонажа (концепции личности) [Жилина, 2010, с. 5—6]. В центре внимания автора аксиологические координаты личности, которые исследователь анализирует с точки зрения конфликта, оппозиций и системы мотивов.

Однако, полагает М. Н. Виролайнен, «романтическое движение в России», его поэтологические и эстетические установки в итоге «не кристаллизовались в более или менее определенную национальную картину», а сами русские писатели в поисках «своего» романтизма эклектически усваивали национальные черты того или иного европейского романтизма, принимая его или полемизируя с ним. Следовательно, наиболее достоверное описание оригинального облика русского романтизма позволяет сделать лишь «апелляция к национальной самобытности и связанный с ней интерес к истории и фольклору» [Виролайнен, 2015, с. 59, с. 61]. Художественное переосмысление истории, обращение к историческому сюжету или персонажу актуализируют, по слову современного исследователя, внимание писателей-романтиков к «ментальной модели истории, то есть к слову героя или народа о своем времени и о своем месте в нем, слияние личной жизни с мировоззрением» [Степанова, 1999, с. 49].

Своеобразным маркером, позволяющим отличать оригинальное от заимствованного, становится образ-персонаж. Он также является основным выразителем национальной концепции. Исторический персонаж, как «лицо сочиненное», «игра» с историческими материалом [Фарино, 2004, с. 106], оказывается полем для эксперимента в области построения модели национального образа-персонажа, разработки исторического и / или мифопоэтического сюжета.

Образ вымышленного исторического персонажа в творчестве Н. А. Полевого достаточно подробно проанализирован в диссертационном исследовании К. А. Семенкина (например, образ Ивана Гудошника в повести «Семен Кирдяпа») [Семенкин, 2016, с. 21; Семенкин и др., 2015]. В то

же время объектом художественного воплощения Полевого являются и реально существовавшие в национальной истории персонажи, к числу которых относится А. В. Суворов.

В данном исследовании перед нами стояла задача — выявить национальную специфику исторического образа-персонажа в повести Н. А. Полевого «Краковский замок».

Под образом-персонажем мы понимаем наиболее обобщенное представление о художественном образе (концепции) человека в литературе. Такое рабочее определение позволяет нам использовать данное понятие по отношению к анализу литературного процесса любой эпохи. В то же время мы дифференцируем понятия «литературный тип» и «литературный характер», подразумевая, что литературный тип — это, как правило, образ-персонаж, свойственный традиционалистскому, или в целом нормативному, этапу развития литературы, а литературный характер — это сильно индивидуализированный в противоположность типу литературный персонаж [Sierotwiński, 1960, s. 16]. Литературный характер является маркером возникновения и развития реализма: «Он предстает как единство общего и индивидуального в человеческом обществе» и являет собой «пафос обстоятельств» [Бочаров, 1962, с. 323].

Думается, что по отношению к интересующей нас задаче исследования близко по своему содержанию и определение национального художественного образа внешности, «совокупности исторически сложившихся эстетических представлений в рамках данной национальной культуры о привлекательном облике человека» [Богуславский, 1994, с. 77]. Национальный художественный образ отражает концепцию внешности и видится как «генерализация ассоциаций в рамках национального образного мышления», обусловленных прежде всего «социально-историческими, географическими <…> условиями существования нации» [Там же].

2. Национальный герой и национальная модель образа-персонажа в повести Н. А. Полевого «Краковский замок» (1829)

В литературе первой трети XIX века национальный образ-персонаж актуализирован в поисках оригинальной жанровой модели и образа-детали (например, в балладе В. А. Жуковского «Светлана» оригинальность создается за счет зимнего пейзаж, выбора имени), национального сюжета и типа конфликта (например, сюжет святочного гадания как маркер национальной идентичности героя представлен в той же «Светлане» В. А. Жуковского, у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине», А. А. Бестужева-Марлинского в «Страшном гадании»).

В то же время осмысление национального типа героя осуществляется сквозь призму адаптации русской истории к кругу постоянного чтения. Так, уже в последней трети XVIII века пристальное внимание сочинителя сосредоточено на создании своего рода истории народной, представленной как переработка известных летописных или мифопоэтических сюжетов (например, образы русских богатырей и князя Владимира в «Русских сказках» В. А. Левшина) [Дзюба, 2014, с. 147—150].

В первой трети XIX века национальная модель исторического образа-персонажа связана с образом Петра I, например, в незавершенном романе А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» (1828), поэме «Полтава» (1828—1829), повестях А. О. Корниловича «Татьяна Болтова» (1828), «Андрей Безыменный» (1832), А. П. Башуцкого «Петербургский день 1724 года» (1834). В сюжете каждодневного упорного труда Петра I Пушкин видит проявление национального духа: *Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка* [Пушкин, 1980, с. 358].

В поведении и облике царя автор подчеркивает традиционные черты русского человека: добродушие, патриархальность: *...Никто в ласковом и гостеприимном хозяине не мог бы подозревать героя полтавского, могучего и грозного преобразователя России. После обеда государь, по русскому обыкновению, пошел отдохнуть* [Там же, с. 356].

В повести «Краковский замок» объектом художественного осмысления также становятся не столь отдаленные события XVIII века. Н. А. Полевой интерпретирует эпизод капитуляции французского гарнизона Кракова накануне событий раздела Польши 1772—1773 годов. Полевому, автору множества исторических романов («Клятва при Гробе Господнем», 1829; «Аскольдовна могила», 1833) и повестей, художественная реконструкция событий позволяла высказать собственный взгляд на историю России, представить свое видение национального персонажа / героя. В «Краковском замке», как и в большинстве сочинений писателя, раскрывается идея главенства народного духа, Божественного Промысла, который определяет конечную цель исторического процесса [Семенкин, 2016, с. 10, 11]. Носителем народной идеи является А. В. Суворов.

Сюжет повести Полевого строится вокруг одного яркого исторического эпизода — взятия Краковской крепости, что позволяет объединить в пределах данной сюжетной ситуации наибольшее количество персонажей (поляков, французов, русских) и выявить яркие признаки проявления национального характера. В поле зрения автора оказываются как исторические деятели, так и вымышленные персонажи: Суворов, дипломат Дюмурье, герцог Шуазель, полковник Шуази, Виомениль. Персонажи

представлены в свете двойного зрения — авторского видения и оценки Суворова. При этом художественная проекция образа полководца наделена у Полевого специфическим заданием: он является мерилом «русскости» в тексте и участвует в построении оппозиций «свое — чужое». Таким образом, автору удается дать представление о национальных чертах, присущих русскому человеку.

«Русскость» персонажа определяется такими признаками, как набожность (*Он благоговейно стал против образа, запел: "Миром господу помолимся!" и начал класть земные поклоны… Все следовали его примеру* [Полевой, 1986, с. 453]); честность, искренность (*Солдат тогда солдат, когда здоров, храбр, тверд, решителен, правдив, благочестив* [Там же, с. 454]), склонность к образной речи — использованию афористических конструкций (*Счастье — ослиная голова в армии...* [Там же, с. 456]).

Природная скромность русского генерала сочетается с европейской галантностью. Он скромен по отношению к женщинам (*Le temps me manquait de les pratiquer… / Я их* (женщин. — *Е. Д.*) *боялся, ведь они управляют страной здесь, как и везде; я же не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы защититься против их чар* [Там же, с. 459]), критикует на французском языке готового на безумные поступки во имя женщины Шуази, что поражает воображение француза (*Я ожидал увидеть медведя, а вижу любезного соотечественника!* [Там же, с. 460]).

Полевой использует в речевой характеристике Суворова важный штрих, который типологически соотносит этого исторического персонажа с типом слуги в русской литературе. В данном случае мы рассматриваем Суворова как слугу отечества, который готов преданно заботиться о нем, но в то же время постоянно ворчать, критикуя замеченные недостатки. Такой прием «речевых жестов» использовался при характеристике Савельича — слуги Петруши Гринева. Как отмечает И. С. Юхнова, с помощью ворчания, брюзжания, причитания Савельич часто отстаивает свою точку зрения, «следует своим представлениям о должном, высказывает наболевшее» [Юхнова, 2011, с. 26]. Ворчание и брюзжание во имя сохранения порядка, следования правилам традиционного уклада свойственно и героям И. А. Гончарова: Захару из романа «Обломов» и слуге Матвею из очерка «Слуги старого века» [Зайцева, 2015]. В то же время принципы изображения Суворова позволяют, на наш взгляд, заметить мерцающие архетипические признаки образа — мудрый старик, сохраняющий устоявшееся мироустройство.

Суворов в повести Полевого также стремится поддерживать традиции, не признает дипломатии, называя ее *архиплутикой*, топает ногами *с при-*

творным гневом [Полевой, 1986, с. 454]. Будучи не доволен ответом драгуна, доставившего донесение о взятии Кракова, он раздосадован, кричит, придумывая для вестового обидные слова: — *Не можешь знать? — закричал Суворов. — Немогузнайка? Дрянь, дрянь, не русский!... Так, так! немогузнайка, намека, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткотовка, двулична, вежливка! От немогузнайки всегда беды; кличка такая, что бестолково и выговоришь!* [Там же]. По мнению героя, русский не может стать жертвой обмана, проиграть сражение, должен ясно выражать свою мысль.

Простота Суворова уже была объектом художественной рефлексии в русской литературе (см.: Г. Р. Державин «Снигирь»). Суворов в повести Полевого также представлен как простой человек. Читатель впервые видит Суворова глазами драгуна, привезшего донесение: *драгун увидел в ближней комнате человека не высокого, сухощавого, лысого, в синей куртке и белых панталонах* [Там же, с. 453]. Простота также становится синонимом искренности — по этим качествам русский узнает русского. Оставшись наедине с офицером, генерал говорит: *Ты русский: я перед тобой в рубашке, а перед другими в шубе, в тулупе, в халате, в мундире* [Там же, с. 456].

Автор обращает внимание на индивидуальную манеру поведения героя: Суворов иронизирует, ерничает, если разговор или ситуация его раздражают: *Недорубленный лес опять вырастает: надобно дорубить... Ох!*; *У Фортуны голова стриженая, только на лбу длинный хохол* [Там же]. Полевой подчеркивает, что ничто человеческое полководцу не чуждо: перед работой над тактикой сражения Суворов подходит к шкафчику и выпивает, видимо, традиционную рюмку: — *Ну, боже тебя благослови! — Суворов перекрестил офицера, подошел к маленькому шкафчику, вынул бутылочку, маленькую рюмку, налил, выпил и сел писать* [Там же].

Однако облик Суворова перед сражением преображается. Идея простоты персонажа соединяется с пафосом беззаветного служения Отчизне, правительнице и Церкви: *Вид Суворова был прост, добр, ласков. Он пошел по рядам, называл по именам многих, наконец, громко воскликнул:*

— *Умирай за дом богородицы, дети! За матушку-царицу, за просветлевший дом. — Слезы блеснули в глазах его... — Церковь бога молит..., а кто остался жив, тому честь и слава!* [Там же, с. 457].

Простота, чистота помыслов, патриотизм, основанный на христианских добродетелях Суворова, становятся основанием для формирования в тексте оппозиции «свой — чужой». Так, французы в повести противопоставлены русским и Суворову как горячие головы и страстные кавалеры. Полевой создает сюжетные ситуации, которые позволяют проявить наи-

более устойчивые признаки национального характера. На наш взгляд, политический фон событий (политическая русская и французская интрига вокруг Польши) уходит на второй план. Француз Шуази изображен как герой-любовник, готовый на любые безумства ради завоевания прекрасной женщины. Неслучайно в момент разговора с Дюмурье звучат имена *Каролина*, *корсиканская Евгения*, *герцогиня Эгильон* и *Эмилия*, жена Краковского воеводы. Шуази как француз наделен не только безумной отвагой, но и галантностью, представлением о чести. Услыхав о том, как был захвачен Краковский замок, Суворов говорит о французах: *Плуты, плуты, удальцы!* [Там же, с. 461].

Изображение поляков в тексте повести позволяет дать более подробный комментарий оппозиции «свой — чужой». Полевой отдает предпочтение изображению обобщенного портрета шляхты, при этом он традиционен в описании поляков: их внешнего вида, в частности костюма, поведения в обстановке бала, пира. Подчеркнем, что наиболее выразительной деталью, представляющей национальный характер персонажа, становится именно костюм поляков. Следует отметить, что внимание к костюму при изображении национального характера можно найти и в польской литературной традиции: костюм почти всегда указывает на верность поляка / польки основной национальной идее, говорит об известном консерватизме поляка. Напомним, что в поэме «Пан Тадеуш» (1834), написанной А. Мицкевичем уже в эмиграции, Зося, воплощающая идею молодой Польши, выходит замуж за Тадеуша в национальном костюме польской жницы.

В «Краковском замке» также часть гостей одета в старопольское платье: *Тут были польские паны, и старого и нового времени: одни в своем народном костюме,* ***в бархатных кунтушах, цветных сапогах, алых, зеленых кафтанах, с богатыми кушаками****; другие в щегольских французских кафтанах, пестрых, обтянутых, с брильянтовыми пуговицами; третьи в гусарских и уланских мундирах, с золотыми и жемчужными кистями* [Там же, с. 441]. В национальное платье одеваются и польские женщины: *Душу всего составляли польки, милые, бесценные польки. Они согласились между собою одеться в маскерад к воеводе в народный польский костюм: кто видал польские народные костюмы, тот знает, каково сердцу от этой бедовой одежды!* [Там же].

В повести Полевого суворовский поход в Польшу не окрашивается в трагичные тона. Более того, конфликт в конце произведения (захват замка русскими войсками) смягчается вполне юмористической ситуацией, в которой Суворов предлагает полякам и французам выйти из замка той

же дорогой, которой они проникли в него — через башню нечистот, так как именно через нее ночью *прокрались в замок Шуази, Виомениль и их товарищи, схватили часовых, захватили спящий, беспечный русский гарнизон и — думали взволновать Польшу и бороться с русскою царицею* [Там же, с. 460].

Наказав русских коменданта и солдат, сдавших замок (*«Бабы!» — закричал Суворов, не позволил приблизиться к себе и велел им идти в лагерь под Краковом, где готов уже был военный суд* [Там же, с. 459]), Суворов устраивает дружеский обед с французами и бывшим польским комендантом Кракова. Все находятся в приподнятом настроении: *Все говорили, откровенно или нет, но дружески, весело, при беспрерывном смехе* [Там же, с. 460], однако и здесь русский полководец проявляет верность долгу, объявляя пану воеводе, что *ради некоторых* ***недоразумений****, ему велено прожить несколько времени вне Польши* [Там же, с. 461]

В повести Полевого и польский темперамент получает эмоциональную оценку. Характеристика темперамента усиливается путем упоминания о манере поведения поляков как в быту, так и в общественно-политической жизни. Полевой замечает, что старые поляки выглядят как заговорщики: мало говорят, пьют венгерское вино, разглаживают *длинные свои усы и искоса* посматривают *на русских офицеров* [Там же, с. 442]. Полевой подчеркивает «живость» поляков: они более уверенны в мазурках, чем русские офицеры. Однако за этим эвфемизмом скрывается отношение к польской шляхетской демократии, для которой понятие свободы и вольности иногда оказывается важнее, чем верность закону и трону [Лескинен, 2002, с. 77]. Полевой интерпретирует польскую политическую тему, обосновывая победу над Польшей волей и прозорливостью Екатерины II: Поляки восставали, спорили на сеймах: им велели молчать; они не послушались, забунтовали, составили конфедерации: умели перессорить их, заставили драться друг с другом [Полевой, 1986, с. 442]. В этой зарисовке также содержится эмоциональная оценка образа поляка. Доминантой изображения обобщенного персонажа — польской шляхты — становится специфическая пластичность, подвижность, экспрессивность: *забунтовали, не послушались, умели их перессорить*. Кроме того, Полевой замечает, что поляку, как правило, мешает «проклятая хвастливость польская» [Там же, с. 442, 449], погубившая конфедерата Понинского, дядю Эмилии.

3. Выводы

Итак, процессы формирования образа-персонажа в литературе первой трети XIX столетия связаны с осмыслением вопросов национальной

самоидентификации. Именно поэтому в центре внимания авторов часто оказывается исторический персонаж, подлинный или вымышленный. Он становится объектом эстетического эксперимента в области построения национальной модели персонажа, а также выражает идеи произведения. Так, образ Суворова в повести «Краковский замок» реализует концепцию истинно русского человека. Идеальный исторический персонаж (прост, набожен, мудр, слуга трона и отечества) позволяет автору создать специфическую оптику текста: авторскую оценку событий и единственно верную оценку из уст Суворова как исторического персонажа.

Находясь в эпицентре событий, Суворов-персонаж организует наиболее знаковые оппозиции сюжета, в частности, актуализирует противопоставление «свой — чужой». Таким образом создается возможность представить и оценить героев-чужеземцев: поляков, французов. Главными приемами оказываются прямая оценка идеальным персонажем («дрянь», «удальцы», «бабы») и традиционная для романтического периода оценка коллективного, обобщенного портрета с помощью изображения национального костюма — образа-детали (старопольский костюм, национальная одежда польских женщин) или укрупненной, главной, наиболее показательной черты национального характера («живость»).

Повесть «Краковский замок» позволяет Н. А. Полевому внести свой вклад в создание оригинальной персонажной системы русского романтизма, дополнив ее героем, связанным с историей страны и наделенным ментально значимыми для русской литературы характеристиками.

Источники

1. *Карамзин Н. М.* Речь, произнесенная на торжественном собрании императорской Российской академии / Н. М. Карамзин // Избранные сочинения в двух томах. — Москва : Ленинград : Художественная литература, 1964. — Т. 2. — С. 233—241.

2. *Полевой Н. А.* Краковский замок. Быль / Н. А. Полевой // Предслава и Добрыня : Исторические повести русских романтиков. — Москва : Современник, 1986. — 687 с. — С. 439—462.

3. *Пушкин А. С.* Арап Петра Великого / А. С. Пушкин // Избранные сочинения в 2-х тт. — Москва : Художественная литература, 1980. — Т. 2. — 358 с. — С. 349—374.

Литература

1. *Богуславский В. М.* Человек в зеркале русской культуры, литературы, языка / В. М. Богуславский. — Москва : Космополис, 1994. — 238 с.

2. *Бочаров С. Г.* Характеры и обстоятельства / С. Г. Бочаров // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1962. — Кн. 1. — 452 с.

3. *Виролайнен М. Н.* Русский романтизм в проекции на европейскую романтическую литературу / М. Н. Виролайнен // Мир русского слова. — 2015. — № 4. — С. 59—61.

4. *Дзюба Е. М.* Поэтика вымысла в романах о «славянских древностях» М. Д. Чулкова, М. И. Попова, В. А. Левшина / Е. М. Дзюба // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (2). — С. 147—150.

5. *Жилина Н. П.* Концепция личности в русской литературе первой трети XIX века в свете христианской аксиологии : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.01 / Н. П. Жилина. — Москва, 2010. — 35 с.

6. *Зайцева Е.* Образ слуги в русской и польской литературной традиции XIX века (И. А. Гончаров и Г. Сенкевич) / Е. Зайцева // Przestrzeń kulturowa Słowian. Liublin:Widawnictwo KUŁ. — 2015. — T. III. — S. 159—170.

7. *Ильченко Н. М.* Байронический герой и особенности формирования личности «лишнего человека» и «русского скитальца» в отечественной литературе [Электронный ресурс] / Н. М. Ильченко // Вестник Мининского университета. — 2014. — № 2. — Режим доступа : http://vestnik.mininuniver.ru/jour/issue/view/19/showToc.

8. *Ильченко Н. М.* «Русская Германия» эпохи романтизма / М. Н Ильченко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 1 (2). — С. 117—121.

9. *Ильченко Н. М.* Немецкий герой в романе Н. А. Полевого «Аббадонна» / Н. М Ильченко, Е. Г. Чернышева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. — 2016. — № 33. — С. 93—107.

10. *Лескинен М. В*. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой / М. В. Лескинен. — Москва : Институт славяноведения РАН. — 2002. — С. 77—105.

11. *Лескинен М.* Польский характер в российской этнографии XIX века [Электронный ресурс] / М. Лескинен // Отечественные записки. — 2014. — № 4 (61). — Режим доступа : http://magazines.russ.ru/oz/2014/4/9l.html.

12. *Сабадаш Н. П.* Польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826—1855) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. П. Сабадаш. — Москва, 2015. — 26 с.

13. *Степанова М. Г.* Историческая проза Полевого : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. Г. Степанова. — Санкт-Петербург, 1999. — 179 с.

14. *Семенкин А. К.* Нижегородское княжество в повести Н. А. Полевого «Симеон Кирдяпа» (к проблеме романтического историзма) / А. К. Семенкин, Е. Г. Чернышева // Нижегородский текст русской словесности : сборник статей по материалам V Международной научной конференции. — Н. Новгород : Мининский университет, 2015. — С. 103—111.

15. *Семенкин К. А.* Проблема романтического историзма Н. А. Полевого в романе «Клятва при Гробе Господнем» : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / К. А. Семенкин. — Москва, 2016. — 21 с.

16. *Таврина А. М.* Типология героев в русской романтической повести 20—40-х гг. XIX века : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. М. Таврина. — Вологда, 2016. — 22 с.

17. *Фарино Е.* Введение в литературоведение : учебное пособие / Е. Фарино. — Санкт-Петербург : ГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — 639 с.

18. *Юхнова И. С.* Поэтика диалога и проблема общения в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.01 / И. С. Юхнова. — Нижний Новгород, 2011. — 41 с.

19. *Sierotwiński S.* Charakter. Słownik terminów literackich. Teoria i nauki pomocnicze literatury / S. Sierotwiński // Roczniki naukowo-dydaktyczne. — Kraków : Wyższa szkoła pedagogiczna, 1960. — Zeszyt 9. — Filologia polska. — s. 16.

Historical Character as Realization of National Model of Image-Character in Russian Literature of the First Third of the 19th Century (N. A. Polevoy's "Krakow Castle")

© **Dzyuba Elena Markovna (2018),** orcid.org/0000-0002-3946-7746, Doctor of Philology, professor, Department of Russian and Foreign Philology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin (Russia, Nizhny Novgorod), dsjubannov@list.ru.

The features of the coverage of the issue of national identity in the domestic literary process of the first third of the 19th century are considered. The relevance of the study is determined by the problems raised. The author's attention is focused on the analysis of N. A. Polevoy's story "Krakow Castle" (1829). The work focuses on the methods of creating a national type of character, his role in the organization and development of the plot, the implementation of the idea of the story. The choice of the working definition of the term *image-character*, used in the identification of the features of the poetics of a romantic composition, is substantiated. To clarify the assessment of the historical image-character, the concept of "national artistic image of appearance" is introduced. Particular attention is paid to the analysis of the image of Suvorov, his artistic understanding by Polevoy. Typological similarity with the image of the servant in the Russian literary tradition (speech characteristic of the character, type of behaviour) is revealed. The author believes that the image of Suvorov is a measure of "Russian": as its stable characteristics are considered "simplicity" of the character, as well as piety, loyalty to duty, wisdom. It is established that the image of events in focus of double optics — of the narrator and the historical character — allows Polevoy to create opposition "own — others": Russian — French, Russian — Poles. Thus it is possible to identify typological national features inherent in the Russian man, but at the same time to reconstruct a generalized portrait of the Pole, typical strokes of the Frenchman. The novelty of the research is connected with the understanding of the modeling function of the historical character.

Key words: problem of national self-identification; historical character; opposition of "own — others"; image of Suvorov.

Material resources

Karamzin, N. M. (1964). Rech, proiznesennaya na torzhestvennom sobranii imperatorskoy Rossiyskoy akademii. In: *Izbrannyye sochineniya v dvukh tomakh, 2*. Moskva: Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 233—241. (In Russ.).

Polevoy, N. A. (1986). *Krakovskiy zamok. Byl. Predslava i Dobrynya: Istoricheskie povesti russkikh romantikov*. Moskva: Sovremennik, 439—462. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1980). *Arap Petra Velikogo. Izbrannye sochineniya v 2-kh tt*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 2. 349—374. (In Russ.).

References

Boguslavskiy, V. M. (1994). *Chelovek v zerkale russkoy kultury, literatury, yazyka*. Moskva: Kosmopolis. (In Russ.).

Bocharov, S. G. (1962). Kharaktery i obstoyatelstva. In: *Teoriya literatury. Osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii, 1.* Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).

Dzyuba, E. M. (2014). Poetika vymysla v romanakh o «slavyanskikh drevnostyakh» M. D. Chulkova, M. I. Popova, V. A. Levshina. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2: (2):* 147—150. (In Russ.).

Farino, E. (2004). *Vvedeniye v literaturovedeniye:* uchebnoye posobiye. Sankt-Peterburg: GPU im. A. I. Gertsena. (In Russ.).

Ilchenko, N. M. (2013). «Russkaya Germaniya» epokhi romantizma. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 1: (2):* 117—121. (In Russ.).

Ilchenko, N. M. (2014). Bayronicheskiy geroy i osobennosti formirovaniya lichnosti «lishnego cheloveka» i «russkogo skitaltsa» v otechestvennoy literature. *Vestnik Mininskogo universiteta, 2.* Available at: http://vestnik.mininuniver.ru/jour/issue/view/19/showToc. (In Russ.).

Ilchenko, N. M, Chernysheva, E. G. (2016). Nemetskiy geroy v romane N. A. Polevogo «Abbadonna». *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova, 33:* 93—107. (In Russ.).

Leskinen, M. V. (2002). *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsionalnoy ideologii Rechi Pospolitoy.* Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN. 77—105. (In Russ.).

Leskinen, M. (2014). Polskiy kharakter v rossiyskoy etnografii XIX veka. *Otechestvennyye zapiski, 4 (61).* Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2014/4/9l.html. (In Russ.).

Sabadash, N. P. (2015). *Polskaya tema v russkoy literature nikolayevskoy epokhi (1826—1855):* avtoreferat dissertatsii … kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. Moskva. (In Russ.).

Semenkin, K. A. (2016). *«Problema romanticheskogo istorizma N. A. Polevogo v romane «Klyatva pri Grobe Gospodnem»:* avtoreferat dissertatsii … kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. Moskva. (In Russ.).

Semenkin, A. K, Chernysheva, E. G. (2015). Nizhegorodskoye knyazhestvo v povesti N. A. Polevogo «Simeon Kirdyapa» (k probleme romanticheskogo istor-

izma). In: *Nizhegorodskiy tekst russkoy slovesnosti:* sbornik statey po materialam V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. N. Novgorod: Mininskiy universitet. 103—111. (In Russ.).

Sierotwiński, S. (1960). Charakter. Słownik terminów literackich. Teoria i nauki pomocnicze literatury. In: *Roczniki naukowo-dydaktyczne, 9.* Filologia polska. Kraków: Wyższa szkoła pedagogiczna. (In Engl.).

Stepanova, M. G. (1999). *Istoricheskaya proza Polevogo:* dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Tavrina, A. M. *Tipologiya geroyev v russkoy romanticheskoy povesti 20—40-kh gg. XIX veka:* avtoreferat dissertatsii … kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. Vologda. (In Russ.).

Yukhnova, I. S. (2011). *Poetika dialoga i problema obshcheniya v proze A. S. Pushkina i M. Yu. Lermontova:* avtoreferat dissertatsii … doktora filologicheskikh nauk: 10.01.01. Nizhniy Novgorod. (In Russ.).

Virolaynen, M. N. (2015). Russkiy romantizm v proektsii na yevropeyskuyu romanticheskuyu literaturu. *Mir russkogo slova, 4:* 59—61. (In Russ.).

Zaytseva, E. (2015). Obraz slugi v russkoy i polskoy literaturnoy traditsii XIX veka (I. A. Goncharov i G. Senkevich). *Przestrzeń kulturowa Słowian, III.* Liublin: Widawnictwo KUŁ. 159—170. (In Russ.).

Zhilina, N. P. (2010). *Kontseptsiya lichnosti v russkoy literature pervoy treti XIX veka v svete khristianskoy aksiologii:* avtoreferat dissertatsii … doktora filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).